

ШИМОН ЧАРНИК,
Ягеллонский университет

О взглядах поляков на участие государства в экономике¹

Abstract

Based on the public opinion research conducted in the last ten-year period one can distinguish two opposite processes in the public consciousness of the Poles as regards economy functioning, free market and desirable role of state in economic processes. On the one hand it may be observed how the society is gradually adapting to the main elements of capitalist Social order (private enterprise ownership, market price regulation, etc). On the other hand we can see a progressive rehabilitation of socialism and strengthening positions of economic egalitarianism.

Пролиберальная тенденция

Рыночные механизмы если и завоевывают одобрение в общественном мнении, то очень медленно. Согласно отчету Центра исследований общественного мнения (ЦИОМ) [4], в 1985 году, отвечая на вопрос: “Кто должен принимать решения в сфере производства”, 39% поляков указывали на предприятия, 35% — на государство, а остальные 26% не сумели четко определить свою позицию. Тринадцать лет спустя, в 1998 году, доля респондентов, склонных доверить эти задачи предприятиям, выросла до 61%, но все-таки еще каждый пятый поляк (22%) в роли субъекта, принимающего решения о производстве, хотел бы видеть государство. Как видим, поляки, несмотря на явную либерализацию, все еще далеко не единодушны в этом вопросе.

¹ Czarnik Sz. O poglądach polaków na udział państwa w gospodarce // Studia Socjologiczne. — 2002. — 1(164). — S. 61–87. Статья является сокращенной и переработанной версией дипломной работы под названием “Взгляды поляков на участие государства в экономике”, написанной в 1999/2000 учебном году на Кафедре социологии Ягеллонского университета под руководством профессора, доктора наук Яцека Василевского. Работа получила награду II степени на организованном Польским социологическим обществом конкурсе им. Флориана Знанецкого в категории эмпирических работ.

Данные 1994 и 1998 годов относительно желаемого способа регулирования цен свидетельствуют в равной степени и о либерализации настроений, и о медленных темпах этих процессов [3]. Достаточно сказать, что в 1998 году еще 42% опрошенных считали, что цены на основные продукты питания должны полностью устанавливаться государством, тогда как за свободно-рыночное регулирование высказывался лишь каждый третий опрошенный (35%). Еще выше был процент сторонников государственного контроля цен на банковские услуги (46%), электроэнергию (62%) и медицинское обслуживание (65%), хотя и в отношении этих отраслей обозначился, если сравнивать с 1994 годом, некоторый сдвиг в сторону либерализации.

Годы 1994–1999 — это период утверждения в общественном сознании превосходства частных фирм над государственными [5]. В 1994 году частные фирмы в большинстве аспектов считались лучшими и более эффективными, чем государственные, а в конце 1990-х различия эти стали еще более отчетливыми. В 1999 году 64% опрошенных считали, что частные предприятия всегда либо очень часто достаточно быстро приспосабливаются к ситуации на рынке. Государственным предприятиям эту черту приписывали только 17% респондентов. Частные предприятия считались также в большей мере способными мобилизовать трудовой потенциал, а также предложить клиентам широкий диапазон товаров и услуг. Государственные фирмы еще сохраняли незначительное превосходство над частными в отношении доступности цен, однако и это различие заметно уменьшилось по сравнению с 1994 годом. Общая оценка показала преимущество частного предпринимательства: с 23% до 35% выросла доля лиц, считающих, что частные фирмы в основном функционируют так, как и должны (с 19% до 12% снизилась доля противников этого мнения). В то же время число опрошенных, дающих в целом положительную оценку деятельности фирм, руководимых государством, уменьшилось с 19% до 16%.

Антилиберальная тенденция

Первые годы трансформации привнесли в социальную картину двух систем — социалистической и капиталистической — новые ценностные аспекты [18]. В 1994 году обеим системам чаще, по сравнению с 1991 годом, в равной мере приписывали и положительные черты (свобода, справедливость и т.п.), и отрицательные (эгоизм, дефицит и т.п.). Насколько в 1991 году общий баланс однозначно свидетельствовал в пользу капитализма, настолько три года спустя дистанция между двумя системами в аксиологической плоскости значительно уменьшилась¹. Например, доля людей, ассоциирующих капитализм со справедливостью, выросла с 29% до 42%, а с благом для людей — с 33% до 47%. В то же время число людей, считающих атрибу-

¹ При этом следует обратить внимание на то, что многие поляки говорят о капитализме и социализме не в теоретическом смысле, как о двух противоположных формах экономической организации общества, а скорее трактуют их как две реальные системы — ту, в которой жили до 1989 года, и ту, в которой живут сейчас. Любые возникающие сегодня негативные явления, даже если они вызваны деятельностью государственных монополий, стесняющих экономику государственным регулированием, или чрезмерным грузом налогов, будут приписаны «капитализму».

том социализма справедливость, выросло с 10% до 46%, а благо для людей — с 12% до 68%. Ухудшение социальной картины капитализма заметно по резкому росту количества поляков, приписывающих ему отрицательные черты. В описываемый период удельный вес респондентов, связывающих капитализм с эгоизмом, вырос с 18% до 83%, а с коррупцией и взяточничеством — с 12% до 78%. Учитывая, что основным очагом коррупции является сфера, где политика стыкуется с экономикой, данные эти можно считать отражением в общественном сознании последствий системного вмешательства в польскую экономику [см.: 13]. В условиях большого объема концессий государственного регулирования и административных решений конкуренция между производителями приобретает дегенеративную форму борьбы за расположение властей посредством взяток и подкупа. И слабым утешением является то, что чуть больше людей связывают это явление с социалистическим строем.

В 2000 году ЦИОМ провел исследование восприятия капитализма и социализма; при этом респонденты не оценивали отдельно каждую систему, а должны были указать, какой из них в большей степени характерны определенные черты. Капитализм значительно чаще ассоциировался со свободой, прогрессом и благосостоянием, но, с другой стороны, ему гораздо чаще приписывали распространение забастовок, эгоизма и коррупции [7].

1990-е годы — период нарастания в польском обществе эгалитарных тенденций. Если в 1999 году 81% респондентов считали, что в Польше для достижения благосостояния хорошо работающие люди должны получать высокое вознаграждение, то одновременно более 90% исследуемых были убеждены, что экономическое неравенство в польском обществе приобрело уже слишком большие размеры. Между 1994-м и концом 1999 года очень заметно (с 37% до 57%) возросло число лиц, подвергающих сомнению тезис о том, что “большое различие доходов является необходимым для того, чтобы в Польше воцарилось благосостояние”. В тот же период с 71% до 82% выросла доля сторонников требования о выравнивании усилиями правительства перепада в уровне доходов [6].

Антилиберальная тенденция не ограничивается сдвигами в сознании масс, она также находит отражение в деятельности политической элиты. Как в 1992 году иронически заметил последний ПНР-овский премьер Мечислав Раковский: “Давайте посмотрим, что происходит с пенсионерами. Стремление к эгалитаризму — набившее нам оскомину за 40 лет — возвращается. (...) мечты “здоровых левых сил” об эгалитаризме теперь реализуют те, кто боролся с социализмом (...)” [21, с. 22]. Большим парадоксом можно назвать и тот факт, что в эпоху трансформации, которая должна бы основываться на политической и экономической децентрализации, занятость в центральных административных органах возросла в 1990–1998 годах на 174%.

Измерения этатистских взглядов

Данные цикла исследований в рамках Общепольского социального мониторинга, проводимого на основе репрезентативной выборки взрослого населения, позволяют более глубоко проникнуть в суть взглядов на экономические функции государства. В 1997 году стандартные исследования были дополнены (в рамках Международной программы социальных исследова-

ний) анкетой по поводу роли правительства в широком смысле. Много внимания, конечно же, уделялось функциям, которые, по мнению респондентов, государство должно выполнять в экономике.

Анализ главных составляющих, основанный на 11 переменных, позволил выделить три измерения экономического этатизма¹. В анализе использованы четыре пятибалльные шкалы Ликерта, в оригинальной анкете сгруппированные в блоке “Роль правительства”, которому предшествует следующее вступление:

“Ниже представлены различные действия, которые правительство может предпринять в сфере экономики. Прошу указать, какие из этих действий Вы поддерживаете и против каких возражаете:

- правительственный контроль зарплат;
- правительственный контроль цен;
- финансирование проектов по созданию новых рабочих мест;
- субсидирование промышленности с целью внедрения новых технологий и продуктов”.

Последующие шесть переменных объединялись в блоке “Обязанности правительства”. Список ответов предполагал в этом случае четыре варианта с исключением средней категории. Опрашиваемым предлагался вопрос, должны ли, по их мнению, входить в обязанности правительства следующие задачи:

- гарантирование надлежащих жилищных условий тем, кто не в состоянии сам себя обеспечить;
- гарантирование достойного уровня жизни пожилым людям;
- гарантирование достойного уровня жизни безработным;
- оказание помощи учащимся из семей с низкими доходами;
- гарантирование медицинской помощи больным;
- гарантирование работы каждому, кто желает работать.

Последняя, одиннадцатая переменная отражает отношение к компенсации государством различий в доходах.

Анализ показал, что существует три измерения экономического этатизма. Первое — это опекунские функции государства, в особенности в отношении лиц, менее обеспеченных. Второе измерение связано с государственным регулированием рыночных механизмов — контроль зарплат и цен, а также компенсация различий в доходах. Третье измерение — это деятельность государства, направленная на развитие современных технологий и, на этой основе, сокращение безработицы. Основные составляющие, описанные мною выше, были четко выделены и явно поддавались такой интерпретации (см. табл. 1).

¹ Исходя из задач анализа, я принял предположение, что использованные переменные — формально порядковые — являются приближением интервальных переменных, не доступных для непосредственного исследования вследствие отсутствия достаточно точного инструментария. Индекс Кайзера–Майера–Олкина как показатель адекватности выборки составлял 0,816, что отвечает удовлетворительному уровню. Три выделенные составляющие, каждая величиной выше единицы, объясняли в совокупности несколько более 60% вариативности анализируемых переменных: первая — 28%, вторая — 19%, третья — 14%.

Таблица 1

Измерения этатизма, выделенные при анализе главных составляющих

Переменные	Главная составляющая:			Общая вариативность
	патернализм	ограниченные рыночные механизмы	поддержка технологического развития	
1. Правительство обязано гарантировать бедным жилье	0,754			0,551
2. Правительство обязано обеспечивать старость	0,752			0,635
3. Правительство обязано помогать бедным учащимся	0,710			0,532
4. Правительство обязано обеспечивать безработных	0,704			0,527
5. Правительство обязано гарантировать медицинскую помощь	0,657			0,625
6. Правительство обязано гарантировать каждому работу	0,621	0,834		0,738
7. Роль правительства: контроль зарплат		0,795		0,749
8. Роль правительства: контроль цен		0,688		0,625
9. Правительство должно уменьшать различия в доходах				0,665
10. Роль правительства: субсидирование новых технологий			0,805	0,554
11. Роль правительства: финансирование новых рабочих мест			0,756	0,557

Примечания: В таблице опущены факторы, значения которых меньше 0,400.

Метод ротации: Varimax с нормализацией Кайзера.

Янина Френтзель-Загурская и Кшиштоф Загурский представили результаты подобного анализа, проведенного при использовании более длинного ряда переменных [10, с. 76]. Они выделили шесть измерений этатизма, причем три практически полностью совпадают с измерениями, представленными в таблице 1. При этом измерение, которое я называю “ограничением рыночных механизмов”, у упомянутых авторов носит название “формирование условий жизни”. В сущности, требование государственного контроля цен и зарплат следует из заботы о собственном финансовом положении, или, иначе говоря, из страха перед высокими ценами при низких зарплатах. Однако, подбывая именно название, я хотел подчеркнуть антирыночный характер этого измерения. Поэтому неслучайно в общественном мнении желание обеспечить себе низкие цены проявляется в требовании контроля со стороны государства (который, воплотившись в жизнь, чреват дефицитом), а не в ориентациях на свободную конкуренцию между производителями, ограничение монополий и радикальное уменьшение или даже ликвидацию пошлин. Впрочем, эти последние вопросы не так уж часто затрагиваются в исследованиях.

На основании измерений, выделенных при анализе главных составляющих, я создал три суммарные шкалы, измеряющие одобрение респондентами государственного опекунства, регулирования рынка и поддержки правительством технологического развития¹. Каждая переменная принимает величину от 1 (протест против вмешательства государства) до 5 (максимальная поддержка его). Два аспекта этатизма — гарантирование государственной опеки более слабым индивидам, а также поддержка развития — вызвали большее одобрение со стороны опрошиваемых. Средние для этих показателей попадали в верхние 20% шкалы² и принимали соответственно величины 4,25 и 4,29. Средняя для типично социалистического требования вмешательства в функционирование рынка посредством контроля государством зарплат и цен, а также ликвидации неравенства доходов составила 3,85.

Среди патерналистских функций государства опрошиваемые больше всего поддерживали политику, призванную гарантировать медицинскую помощь и обеспеченную старость. Чуть ли не все респонденты (98%) отметили, что эти функции должны относиться к обязанностям правительства, причем 65% были в этом глубоко убеждены. Наименьшую поддержку респондентов получило требование обеспечения достойной жизни безработным. Одобрили его 80% опрошенных, причем убежденные сторонники гарантирования государством приличного стандарта жизни безработным составляли 30%.

Так же и в случае переменных, отражающих меру ограничения рыночных механизмов, явно преобладали лица, требующие правительственного вмешательства. Наименее популярным из трех лозунгов был контроль зарплат, но даже за него высказывались трое из пяти опрошенных при одной пятой воздержавшихся от однозначного высказывания и таком же количестве противников этого принципа. За контроль цен высказалось три четверти респондентов; на несколько процентов больше была доля сторонников выравнивания доходов бедных и богатых.

Среди опрошенных царило практически полное единодушие насчет того, что государство должно проводить политику, поддерживающую технологическое развитие: 84% высказывались прямо за субсидирование новых технологий, а более 90% выражали поддержку финансирования правительством новых рабочих мест. Объединение этих двух переменных в одно измерение свидетельствует о том, что развитие современных технологий было воспринято респондентами как рецепт от безработицы.

¹ Отдельные шкалы образованы посредством суммирования величин, полученных по каждой из переменных, образующих данное измерение. Далее, благодаря применению соответствующей линейной трансформации, я привел все шкалы к виду, в котором минимальная величина соответствует 1, а максимальная — 5.

Суммарная шкала удобнее в применении, чем создаваемая непосредственно в ходе анализа главных составляющих шкала факторов, которые не имеют заведомо намеченного диапазона. Ввиду того, что эти два типа шкал сильно коррелируют друг с другом, целесообразно использовать простые показатели. Коэффициенты корреляции Пирсона между двумя типами шкал составляют: для опекунства 0,952; для регулирования рынка 0,961; для поддержки технологического развития 0,927.

² Определенное влияние на среднюю величину поддержки государственного опекунства может иметь факт, что для переменных, составляющих это измерение, принята четырехступенчатая шкала ответов, исключая косвенный ответ.

Детерминанты взглядов на участие государства в экономике

Для определения основных детерминант каждого из трех измерений этатизма я воспользовался методом многократной регрессии. Зависимыми переменными были поочередно показатели поддержки государственного опекуна, ограничения правительством рыночных механизмов, а также стимулирования им технологического развития. Среди независимых переменных оказались: трудовые доходы, годы законченного образования, возраст, пол, категория поселения (по количеству жителей), оценка изменений собственного финансового положения за последние годы, а также субъективный риск безработицы. Принимая во внимание переменные трудовых доходов и угрозы безработицы, следовало ограничить эту фазу анализа категорией людей, работающих за зарплату.

Переменные, принимаемые во внимание в этой модели, в наивысшей степени (23%) отразили разнообразие взглядов на ограничение рыночных механизмов в экономике. Вариативность мнений о патернализме государства они отражают в меньшей мере (7%), а о поддержке государством технологического развития — меньше всего (3%) (см. табл. 2). Анализ регрессии подтвердил ведущую роль в формировании экономических взглядов трудовых доходов и образования [см.: 1; 20; 22]. Это единственные переменные, которые статистически значимо детерминируют мнения о социальных ассигнованиях государства. Рост заработков на 100 злотых связан в среднем со снижением величины коэффициента поддержки государственной опеки на 0,017 пункта при контроле остальных факторов.

Подобное влияние имеет и образование, оцениваемое как количество законченных лет обучения. Каждому дополнительному году учебы сопутствует снижение поддержки патерналистских функций государства на 0,035 пункта, при *ceteris paribus*. Во всяком случае, как показывают стандартизованные коэффициенты регрессии β^1 , поддержка патернализма в большей мере, чем от образования, зависит от получаемого дохода. Точно так же дело обстоит в случае отношения к ограничению государством рыночных механизмов.

В принятой модели возраст исследуемых не имеет статистически значимого влияния ни на одно из трех измерений экономического этатизма. Зато пол в определенной мере детерминирует отношение к политике государства по содействию развитию. Показатели женщин в среднем на 0,151 пункта больше, чем мужчин при постоянном уровне остальных факторов. Не стоит, однако, придавать этим цифрам особого значения, так как в других моделях влияние возраста, как и пола, в отличие от дохода, почти в половине случаев оказывается несущественным. Возраст влияет на уровень поддержки государственного вмешательства только косвенно, через доходы и образование, а эти косвенные влияния нивелируются. Так как, с одной стороны, более длительный трудовой стаж связан с более высокими заработками, то с другой — возраст отрицательно коррелирует с количеством полных лет обуче-

¹ Стандартизованные коэффициенты регрессии показывают, на сколько единиц собственного стандартного отклонения изменится зависимая переменная, когда величина независимой переменной увеличится на одно стандартное отклонение при условии, что оставшиеся переменные останутся на неизменном уровне. Стандартизация делает возможным сравнение влияния на зависимую переменную измеряемых переменных в разных измерительных шкалах.

ния. В свою очередь, в случае пола связь с уровнем этатизма, если и существует, всегда имеет то же самое направление: женщины более склонны к поддержке активной роли государства в экономике. Так как переменные, отражающие материальное положение и образование, поддаются контролю, причины этого явления следует искать, скорее всего, в условиях психологической и культурной природы.

Таблица 2

Коэффициенты регрессии для выделенных измерений этатизма

Измерения	Патернализм		Ограничение рыночных механизмов		Поддержка технологического развития	
	В	β	В	β	В	β
<i>Постоянная</i>	4,623		4,599		4,367	
Трудовой доход (в сотнях злотых)	-0,017	-0,185	-0,021	-0,163	–	–
Образование (годы)	-0,035	-0,132	-0,044	-0,120	–	–
Возраст	–	–	–	–	–	–
Пол (ж)*	–	–	–	–	0,151	0,111
Город до 25 тыс. жителей*	–	–	-0,326	-0,127	–	–
Город 25–100 тыс. жителей*	–	–	-0,493	-0,202	–	–
Город более 100 тыс. жителей*	–	–	-0,596	-0,290	–	–
Ухудшение материального положения*	–	–	–	–	–	–
Улучшение материального положения*	–	–	-0,330	-0,161	–	–
Относительно высокий риск потери работы*	–	–	0,285	0,135	0,148	0,100
Коррекция R ² для отдельных моделей	0,071		0,231		0,034	

Примечания: В таблице представлены только коэффициенты, значимые на уровне $p < 0,05$.

Коэффициенты, значимые на уровне $p < 0,005$, выделены шрифтом. Анализ охватывает только людей, зарабатывающих своим трудом.

В колонке “В” приведены нестандартизованные коэффициенты линейной регрессии, а в колонке “ β ” — стандартизованные коэффициенты.

* Двоичные (0, 1) переменные. В этих случаях нестандартизованные коэффициенты регрессии В отражают отклонения средней величины зависимой переменной относительно референтной категории. Например: коэффициент 0,151 при переменной “пол” в колонке “поддержка технологического развития” означает, что при постоянном уровне остальных факторов (учитываемых в модели) показатели женщин по шкале оценок политики государства по поддержке промышленности в среднем на 0,151 пункта больше, чем у мужчин, которые являются для них категорией отнесения. Такой категорией для переменной “город...” является “село”. Переменные “ухудшение/улучшение материального положения” касаются субъективной оценки самого респондента; категория отнесения для этих переменных — “без изменений”. Категория отнесения для переменной “относительно высокий риск потери работы” — “относительно низкий риск потери работы”. Размеры выборки для последующих моделей: 430, 430, 464.

Тип населенного пункта оказывается существенным фактором отношения к государственному регулированию рынка. Основная линия разделения проходит между селом и городом. Все три требования, относящиеся к этому измерению (контроль цен, зарплат и уменьшение неравенства доходов), получают в селах значительно больше сторонников, чем в городах. Можно обоснованно предположить, что жители города, говоря о контроле цен, имеют в виду, главным образом, цены потребительских товаров, а жители села, кроме того — закупочные цены на сельхозпродукцию, которые также влияют на их уровень жизни. Различия между городами разных размеров не столь значимы, однако можно заметить, что зависимость имеет монотонный характер, то есть чем больше город, тем меньше поддержка правительственного вмешательства, хотя даже в крупных городах поддержка такого рода решений властей остается на высоком уровне.

В случае поддержки государственного патернализма различия в зависимости от размеров населенного пункта можно в полной мере объяснить, соотнеся их с различиями в получаемых жителями доходах, их образовании и остальными переменными, учитываемыми в модели регрессии.

Следующая существенная детерминанта взглядов на государственное регулирование зарплат и цен среди людей, зарабатывающих собственным трудом, связана с ощущением улучшения собственного финансового положения за последние годы. При этом следует отметить, что “обратная сторона медали”, то есть уверенность в ухудшении своего материального положения, не влияет значимо на зависимую переменную. Люди, жизнь которых, по их мнению, не улучшается, ощущают, что их обошли в гонке за благосостояние. Выход из этой ситуации они видят во вмешательстве государства в экономическую жизнь в той же мере, что и люди, декларирующие улучшение своего материального положения. Вместе с тем это не зависит от временной перспективы. В таблице 3 представлены модели регрессии, по которым можно судить о величине коэффициента поддержки ограничения рыночных механизмов на основании ответов респондентов на вопрос об изменении во времени их финансового положения (при разных подходах к определению периодов времени). Результаты весьма однозначны.

Таблица 3

**Отношение к регулированию рынка и
оценка изменений своего финансового положения**

Модель регрессии		B	Значимость	Скорректированное R ²
Изменение финансового положения за последний год	<i>Постоянная</i>	3,799	0,000	0,012
	ухудшение	0,028	0,748	
	улучшение	-0,266	0,007	
Изменение финансового положения в последние годы	<i>Постоянная</i>	3,806	0,000	0,049
	ухудшение	0,132	0,131	
	улучшение	-0,386	0,000	
Изменение финансового положения после 1989 года	<i>Постоянная</i>	3,888	0,000	0,063
	ухудшение	0,132	0,258	
	улучшение	-0,372	0,001	

Примечание: Категория отнесения во всех трех моделях — “без изменений”.

В представленной выше модели *Постоянная* является средней величиной, которую принимает коэффициент для исследуемых, считающих, что их положение не изменилось ни в худшую, ни в лучшую сторону. Незначительность коэффициентов регрессии для категории “ухудшение”, означает, что в плане поддержки ограничения рынка эта категория не отличается значимо от категории “без изменений”. С другой стороны, для людей, в последние годы отметивших улучшение жизни, показатели по данной шкале в среднем на 0,386 пункта меньше, чем для тех, кто считает, что ситуация не изменилась, и разница эта статистически значима на уровне $p < 0,001$.

Коэффициенты корреляции показывают, что эгатистские взгляды значительно сильнее связаны с отрицательной оценкой изменений собственного финансового положения в долгосрочной перспективе, чем с ощущением ухудшения материальных условий в текущий момент (см. табл. 4). Корреляции измерений экономического эгатизма с последней оценкой оказались довольно слабыми ($-0,083$ и $-0,026$). Наибольшую объясняющую силу имели переменные, относящиеся к изменениям материальной ситуации после 1989 года и к общей “цене” общественных трансформаций для семьи респондента. Это свидетельствует, по моему мнению, о том, что восприятие роли государства в экономике является составляющей более общего экономико-политического мировоззрения, в определенной мере независимого от оценки ситуации “здесь и сейчас”.

Неудивительно, что исследуемые оценивают состояние экономики в целом сквозь призму собственной материальной ситуации, и именно оценка собственного положения имеет большее влияние на степень поддержки вмешательства государства, чем мнение о последствиях перемен для “всех поляков”. Очень схожие результаты получены и после включения в анализ людей, не принадлежащих к профессионально активным.

Таблица 4

Соотношение между оценкой собственного материального положения и измерениями экономического эгатизма: коэффициенты корреляции r Спирмена

Измерения	Изменения финансового положения			Выигрыш vs. потери после 1989 года	
	за последний год	за последние годы	после 1989 года	в семье исследуемого	для всех поляков
Патернализм	$-0,083^*$	$-0,129^*$	$-0,138^{**}$	$-0,138^{**}$	$-0,085^*$
Ограничение рынка	$-0,083^*$	$-0,176^{**}$	$-0,234^{**}$	$-0,321^{**}$	$-0,259^{**}$
Поддержка развития	$-0,026$	$-0,030$	$-0,082^*$	$-0,024$	$-0,052$

Примечания:

* — корреляции, значимые на уровне $p < 0,05$.

** — корреляции, значимые на уровне $p < 0,005$.

Для обеспечения сопоставимости все переменные закодированы и приведены к трем категориям: “изменения финансового положения” — “ухудшилось” (1), “осталось без изменений” (2), “улучшилось” (3); “выигрыш vs потери после 1989 года” — “больше потерь, чем прибыли” (1), “столько же потерял, сколько и выиграл” (2), “выигрыш больше, чем потери” (3).

Субъективный риск безработицы оказывает статистически значимое влияние на два измерения экономического этатизма, отраженных в таблице 2. Показатели для ощущающих угрозу потери работы на 0,285 пункта больше по шкале поддержки регулирования рынка и на 0,148 пункта больше по шкале поддержки государственной политики развития, чем показатели для лиц, относительно уверенных насчет сохранения работы.

Вмешательство государства и социально-профессиональная структура

Среди работающих наиболее сильную поддержку у патерналистской функции государства выражают неквалифицированные рабочие (средняя 4,47), а ограничения рынка — рабочие низкой квалификации (4,10). На противоположном полюсе находятся, что и неудивительно, высшие руководящие кадры. Заработная плата в последней группе вдвое превышает среднюю, это люди хорошо образованные, безработица в данной категории практически не встречается. У руководителей наиболее низкие показатели по шкале патернализма (3,74) и по шкале ограничения рынка (3,05). По обоим измерениям они статистически значимо (тест *t*) отличаются от всех остальных профессиональных категорий. Люди, занимающиеся частным предпринимательством, большим либерализмом отнюдь не отличаются: по обоим измерениям этатизма они находятся примерно посередине между руководителями и рабочими. Эти результаты являются подтверждением выводов Лены Колярской-Бобиньской (1990) и Хенрика Доманьского (1993) о связи экономических взглядов со стратификационной иерархией [9; 15]. Однако, учитывая тот факт, что показатели уровня поддержки государственного вмешательства во всех общественно-профессиональных категориях, как правило, относятся к верхней части шкалы, о принципиальном обособлении “среднего класса” в сфере экономического сознания еще нельзя говорить. Различия, хотя и весьма четкие, пока не имеют качественного характера — только количественный.

Среди лиц, завершивших свою профессиональную деятельность, различия явно сглаживаются. Наиболее высокий показатель по шкале поддержки государственного патернализма неожиданно оказывается у директоров и руководителей, находящихся на пенсии (4,48), хотя различия между отдельными категориями не достигают статистически значимого уровня. Характерно, что в случае высших руководящих кадров различие между пенсионерами и работающими гораздо больше, чем в случае остальных категорий. Показатели руководителей на пенсии по шкале поддержки патернализма более чем на пол пункта превышают показатели их работающих преемников, а по шкале ограничения рыночных механизмов — на целый пункт. Так как профессиональная карьера группы пенсионеров приходилась в основном на времена ПНР, результаты эти косвенно свидетельствуют об идеологических критериях подбора кадров на руководящие должности в период реального социализма. Если в случае остальных профессиональных категорий различия между работающими и пенсионерами настолько незначительны, что можно говорить о некоторой непрерывности этих категорий, то в группе руководителей и директоров явно видны особенности менталитета разных поколений. Эта гипотеза подтверждается тем, что и по своему отношению к социализму руководители, вышедшие на пенсию, значительно

больше отличались своими взглядами от работающих руководителей, чем в случае остальных профессиональных категорий.

Таблица 5

Профессиональные категории и измерения экономического этатизма

Профессии		Работающие			Пенсионеры		
		Патернализм	Ограничение рынка	Поддержка развития	Патернализм	Ограничение рынка	Поддержка развития
Высшие руководящие кадры	Средняя	3,74	3,05	4,30	4,48	3,96	4,08
	N	35	41	44	26	26	27
Специалисты, люди свободных профессий	Средняя	4,09	3,76	4,21	4,32	3,31	4,14
	N	31	36	39	5	8	8
Техники и средний персонал	Средняя	4,06	3,54	4,30	4,26	4,16	4,43
	N	57	60	64	26	27	33
Административно-офисные работники	Средняя	4,20	3,74	4,27	4,36	3,92	4,18
	N	43	39	41	19	20	21
Продавцы	Средняя	4,33	3,82	4,32	4,26	4,00	4,17
	N	40	49	46	18	14	15
Крестьяне	Средняя	4,20	3,99	4,18	4,31	4,04	4,23
	N	62	61	68	31	32	32
Квалифицированные рабочие	Средняя	4,28	3,96	4,17	4,45	4,21	4,40
	N	101	100	108	54	52	57
Рабочие низкой квалификации	Средняя	4,29	4,10	4,34	4,29	4,29	4,45
	N	48	46	47	28	25	27
Неквалифицированные рабочие	Средняя	4,47	4,02	4,34	4,38	4,36	4,49
	N	39	30	35	45	36	40
Самозанятые	Средняя	4,09	3,54	4,28	–	–	–
	N	118	109	120	–	–	–
Всего	Средняя	4,18	3,75	4,27	4,36	4,12	4,33
	N	573	570	612	252	240	260

Связь экономических взглядов с религиозными позициями

Интересным образом поддержка государственного вмешательства сочетается с религиозностью. Что касается одобрительного отношения к государственному патернализму и неприятия свободного рынка, группа наиболее религиозных лиц значительно опережает менее религиозных людей¹ (табл. 6). Самые низкие показатели по всем трем шкалам характеризуют небольшую группу атеистов (едва достигающая 4% от общего числа исследуе-

¹ Опрашиваемые отвечали на вопрос: “Считаете ли Вы себя человеком глубоко верующим, верующим или неверующим?”. Вопрос о реализации религиозных практик имел форму: “Как часто Вы участвуете в мессах и богослужениях?”

мых). По шкале поддержки патерналистских функций государства они отстают в среднем на 0,6 пункта от верующих, а по шкале поддержки регулирования рынка — на 0,5 пункта. Таким образом, различия эти очень значительны. Даже снискавшая широкое одобрение в обществе политика государства, направленная на развитие экономики, находит среди них гораздо меньше сторонников, правда, в силу малой численности данной группы разница не является статистически значимой.

Таблица 6

**Отношение к государственному вмешательству и
декларация религиозной веры**

Категории по религиозности		Патернализм	Ограничение рынка	Поддержка развития
Неверующие	Средняя	3,66	3,33	4,08
	N	38	42	46
Верующие	Средняя	4,27	3,88	4,31
	N	751	730	796
Глубоко верующие	Средняя	4,32	3,88	4,19
	N	163	155	150
Всего	Средняя	4,25	3,86	4,28
	N	952	928	992

Анализ регрессии показал, что декларируемая религиозность существенно дифференцирует исследуемых в плоскости отношения к патерналистским действиям государства при условии контроля таких показателей, как доход на человека в домохозяйстве, образование, тип населенного пункта и другие, используемых в предыдущей модели регрессии. Различия в поддержке патернализма не так ярко выражены, если вместо силы религиозной веры принять во внимание участие в богослужениях. Лица, вообще не участвующие в религиозных практиках, составляют четверть опрошенных, из которой четыре пятых считают себя людьми верующими. Либеральные взгляды атеистов уже не являются в этой группе доминирующими. Однако анализ регрессии подтверждает значимость различий между лицами, никогда не участвующими и хотя бы раз в неделю участвующими в богослужениях. Даже если учесть всевозможные различия (по доходам, возрасту и т.п.), лица, посещающие церковь, оказываются по шкале патернализма на 0,109 пункта выше, чем остальные. Подобным образом и по шкале поддержки ограничения государством рыночных механизмов первые оказываются на 0,165 пункта выше. Результаты других исследований показывают, что зависимость между религиозностью и левизной экономических взглядов среди посткоммунистических стран характерна, собственно, только для Польши и Румынии, в которой 80% населения являются православными [14].

**Взгляды на государственное вмешательство
и политические ориентации**

Данные Общепольского социального мониторинга показывают, что сформировавшиеся в начале 1990-х годов требования к государству касательно его протекционных и редиистрибуционных функций в экономике в

1992–1997 годах отличались изрядной стабильностью. Удельный вес людей, соглашающихся с утверждением, что “правительство должно уменьшать различия в доходах”, колебался в границах 75–80%. Требования, чтобы “правительство обеспечило каждого работой”, поддерживали в дальнейших исследованиях около 90% опрошенных, а 85–90% соглашались с утверждением, что “правительство должно гарантировать каждому минимум доходов”.

Три перечисленные выше переменные послужили мне для создания синтетического показателя поддержки патерналистского государственного вмешательства. Как и предыдущие измерения, он принимает величину от 1 до 5. Разрешающая способность шкалы, измеряемая коэффициентом β Громбаха, составляла 0,735. Так как три переменные, относящиеся к интересующему нас показателю, отражены во всех этих исследованиях, он позволяет проследить динамику интенсивности проявления поддержки государственного вмешательства в электоратах отдельных политических партий, участвовавших в парламентских выборах 1991, 1993 и 1997 годов. Для сопоставления данных по разным выборам я соединил отдельные политические группировки в более крупные совокупности, соответствующие ситуации на политической сцене во время выборов 1997 года. В одну категорию я соединил партии, участники которых позднее создавали совместно Избирательную акцию “Солидарность”: Конфедерация независимой Польши (КНП), Центр Согласия (ЦС), Независимый самоуправляемый профсоюз “Солидарность” (НСПС), а также коалиции, в состав которых входили Христианско-демократическое объединение (ХДО), Католическая избирательная акция (КИА) в выборах-1991 и Избирательный католический комитет “Отчизна” (ИККО) в выборах-1993. Демократический союз (ДС) рассматривался мною вместе с Либерально-демократическим конгрессом (ЛДК), а Солидарность труда (СТ) отождествлялась с Унией труда (УТ). Средние величины коэффициента поддержки госвмешательства в таких совокупных электоратах представлены в таблице 7. Для упрощения я везде использую названия группировок, соответствующие 1997 году.

Таблица 7

**Поддержка государственного вмешательства
электоратами политических партий**

Политические партии		Электорат '91	Электорат '93	Электорат '97
Избирательная акция “Солидарность”	Средняя	4.18	4.14	4.16
	N	150	143	462
Союз левых демократов	Средняя	4.29	4.09	4.10
	N	46	133	273
Уния свободы	Средняя	3.82	3.70	3.77
	N	215	135	192
Польская крестьянская народная партия	Средняя	4.25	4.26	4.14
	N	34	136	89
Уния труда	Средняя	4.01	4.05	4.04
	N	15	61	69
Союз реальной политики	Средняя	3.83	3.64	3.39
	N	10	16	15
Движение возрождения Польши	Средняя	–	–	4.13
	N	–	–	35

Среди участвовавших в парламентских выборах 1991 года партий, объединенных в таблице 7 под знаком Избирательной акции “Солидарность”, наиболее высокую поддержку госвмешательства проявляли избиратели, голосовавшие за Независимый самоуправляемый профсоюз “Солидарность” (4,33), а наименьшую — электорат Католической избирательной акции (4,14). В выборах 1993 года среди выделенных группировок наиболее одобрительно настроенным по данной позиции снова оказался профсоюзный электорат (4,36), а относительно наиболее либеральными были избиратели Центра согласия (3,82). Как видим, будущий электорат ИАС не был внутренне единым. Зато очень сходными в своих взглядах были электораты Демократического союза и Либерально-демократического конгресса, которые объединились вскоре в одну партию.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что средние для всех электоратов располагались в верхней части шкалы, то есть выше 3,0. Так что можно сказать, что избиратели всех крупных партий в Польше высказывались за вмешательство правительства в экономическую жизнь с целью гарантировать каждому работу, выравнивание доходов и прожиточный минимум. Разнился только уровень поддержки ими этих требований. Вместе с тем два электората отличались от остальных большим либерализмом — это были избиратели Унии свободы (УС) и Союза реальной политики (СРП).

Очень показательно отсутствие существенных различий между электоратами двух группировок, которые вели между собой наиболее упорную предвыборную борьбу [см.: 14]. Люди, отдавшие в 1997 году свой голос за Избирательную акцию “Солидарность” или Союз левых демократов, в принципе имели сходные мнения о роли государства в экономике. Что их отличало — и весьма существенно — так это “идеологический” выбор: участие в богослужениях, отношение к запрету абортов, оценка бывшего строя и перемен после 1989 года. Более чем половина избирателей ИАС с 1997 года считали, что после падения коммунизма их финансовая ситуация улучшилась, одна шестая утверждали, что их положение осталось без изменений, а немногим более одной четвертой жаловались на его ухудшение. А в электорате Союза левых демократов (СЛД) данные пропорции имели практически противоположный характер. В этом смысле можно сказать, что наибольшая группировка польских левых сил умело использовала в избирательной борьбе настроения недовольства в обществе. Что интересно, средние доходы избирателей СЛД (измеряемые медианой) — особенно личные, но также и в перечислении на одного члена домохозяйства — в 1997 году были выше, чем доходы избирателей ИАС.

Год следующих парламентских выборов — 2001-й принес много перемен на польской политической сцене. Распалась *de facto* Избирательная акция “Солидарность”. Отчасти ее члены вошли в Избирательную акцию “Солидарность правых” (ИАСП), отчасти присоединились к новосозданной группировке “Право и справедливость” (ПиС), наконец, некоторые отошли к также новой Гражданской платформе (ГП). Особенно интересно будет присмотреться к электорату этой последней группировки. Ее лидеры апеллируют в своих выступлениях к либеральным лозунгам — снижению фискального давления и преодолению бюрократизма. Если на самом деле именно эти лозунги привлекали избирателей, то электорат Гражданской платформы должен характеризоваться значительно меньшим уровнем поддержки госвмешательства в экономику, чем избиратели остальных партий —

особенно Унии свободы, из которой вышли многие деятели Платформы. В противном случае следует признать, что поддержка ГП — всего лишь следствие ее удачно созданного образа “новой силы” в польской политике.

Противоречия во взглядах на экономику

Данные исследований, проводимых в общенациональных масштабах, дают множество примеров непоследовательности распространенных в польском обществе взглядов на участие государства в экономических процессах [8]. И это отнюдь не новое явление. Как писал в 1991 году Александр Борковский, “несмотря на существование тенденций, благоприятствующих кристаллизации взглядов о желаемых экономических решениях (...) экономическое сознание поляков в конце восьмидесятых годов следует назвать дезорганизованным” [2, с. 263].

В большинстве случаев различия между правыми и левыми если и имеют, то весьма отдаленное отношение к экономическим вопросам. Коэффициент корреляции Пирсона между политическими взглядами опрошенных, измеряемыми по шкале от 1 (левые силы) до 10 (правые силы), и использованным ранее коэффициентом поддержки госвмешательства в 1997 году принял положительную величину 0,011 и оказался — в выборке, насчитывающей более 1100 единиц, — статистически незначимым.

Очень низким остается уровень сознания поляков в сфере налогов. До 1989 года налоги носили скрытый характер, что порождало убеждение, что правительство имеет в распоряжении собственные деньги, которые может использовать на общественные нужды. Данные общенациональных исследований доказывают, что во второй половине 1990-х годов в польском обществе это убеждение все еще не было изжито [8]. Респондентам задавали вопрос о том, хотели бы они, чтобы правительство тратило больше (либо меньше) средств по восьми выделенным позициям: защита окружающей среды; здравоохранение; правозащитные органы; образование; армия и оборона; пенсии; пособия по безработице; культура и искусство. По каждой из этих позиций опрошенные чаще всего требовали увеличения правительственных расходов. В случае пособий для безработных поддержка была наименьшей: менее чем 20% были за уменьшение расходов, а более 40% — за их увеличение. В случае культуры и искусства, а также армии и обороны, сторонники уменьшения расходов составляли менее чем 10%, а по остальным позициям не превышали 5%. При этом следует обратить внимание на то, что в инструкции к этой серии вопросов опрошенным было сказано, что повышение расходов “может означать необходимость повышения налогов”. Сосредоточиваясь на конкретных вопросах, респонденты абсолютно проигнорировали это обстоятельство, решив, что каждая из перечисленных областей, рассматриваемая отдельно, заслуживает выделения ей больших средств.

В другом месте анкеты опрошенным предлагали более общий вопрос о бюджетных расходах, причем непосредственно в перечне ответов, предложенных на выбор, была ссылка на расходы средств налогоплательщика. Вопрос был сформулирован следующим образом: “Если бы правительство имело выбор между уменьшением налогов и увеличением расходов на общественные нужды, такие как здравоохранение, образование, пенсии, общественное страхование и т.п., что, по Вашему мнению, правительству следовало бы сделать?” В принципе было два ответа на выбор: “Снизить нало-

ги, даже если бы это влекло за собой уменьшение расходов на общественные нужды” и “Выделить большие средства на общественные нужды, даже если бы это означало увеличение налогов”. В этой ситуации почти половина опрошенных оказались в категории “сомневающихся”, почти треть решили, что необходимо уменьшить налоги, и только менее чем каждый четвертый высказались за повышение уровня бюджетных ассигнований, а стало быть и налогов. Диапазон непоследовательности отображают данные таблицы 8.

Таблица 8

**Отношение к бюджетным ассигнованиям
по конкретным статьям и в целом, %**

Вопросы по конкретным отраслям*	Расходовать меньше	Расходовать столько же, сколько сейчас	Расходовать больше
Здравоохранение	2,0	4,7	90,9
Образование	1,6	13,4	80,8
Пенсии	2,4	15,8	78,8
Общий вопрос	Уменьшить налоги, даже за счет ассигнований на социальные программы	Трудно сказать	Увеличить ассигнования на социальные программы, даже за счет повышения налогов
Ассигнования vs налоги	30,6	45,2	24,1

Примечание: Объединены в одну категорию “Расходовать больше” и “Расходовать намного больше”, а также “Расходовать меньше” и “Расходовать намного меньше”. Проценты не суммируются до 100%, так как пропущена категория “Трудно сказать”.

Две переменные в рассматриваемом исследовании, относящиеся к сокращению правительственных расходов и ограничению вмешательства правительства в экономику [8], являются потенциальным источником недоразумений и ошибочных интерпретаций. Это типично либеральные требования, и можно предполагать, что человек, поддерживающий такие конкретные шаги, будет приветствовать как можно меньшее вмешательство государства в экономику. Однако более тщательный анализ приводит к парадоксальным результатам.

В общем следует сказать, что эти два вопроса весьма озадачили опрошенных, так как число ответов “Трудно сказать” в этих случаях было наибольшим в сопоставлении с прочими переменными в блоке “Роль правительства” (17% — для переменной “сокращения расходов”; 23% — для переменной “ограничение вмешательства”). Если исключить категорию “трудно сказать”, за уменьшение бюджета высказались почти 69% опрошенных (амбивалентно — 20%, против — 11%), а за ограничение вмешательства в экономику — 37% (амбивалентно — 32%, против — 21%).

Оказывается, что отношение к уменьшению бюджета не коррелировало статистически значимо (уровень p для теста χ^2 незначительно больше, чем 0,05) с мнениями насчет величины налогов и ассигнований на социальные программы (табл. 9). Приблизительно каждый шестой опрошенный высказывался одновременно за уменьшение бюджета и за увеличение налогов и увеличение ассигнований на социальные программы.

Таблица 9

Отношение к ассигнованиям в соотношении с налогами, %

Сокращение правительственных ассигнований	Уменьшение налогов за счет ассигнований на социальные программы	Увеличение ассигнований на социальные программы за счет повышения налогов	Затрудняюсь ответить	Всего
Решительно против	48,5	36,4	15,1	100
Скорее против	27,3	25,8	46,9	100
Ни за, ни против	29,7	21,9	48,4	100
Скорее поддерживаю	32,8	26,0	41,2	100
Решительно поддерживаю	32,9	28,1	39,0	100
Всего	32,4	26,2	41,4	100

Примечание: Проценты суммируются построчно.

Еще более интересные результаты дает анализ отношения респондентов к ограничению вмешательства в экономику (см. табл. 10, 11). Особого внимания заслуживает тот факт, что опрошенные, убежденно высказывающиеся за уменьшение вмешательства правительства в экономику, вместе с тем наиболее рьяно выражают поддержку контроля зарплат и цен. Затемненные ячейки таблиц 10 и 11 касаются респондентов, которые дали противоречивые ответы: с одной стороны, они хотят ограничения вмешательства правительства в экономические процессы, с другой же — требуют, чтобы правительство контролировало зарплаты и цены. В случае таблицы 10 число противоречивых ответов составляло 20%, а в случае таблицы 11 достигло 25%! Так что масштаб этого явления весьма серьезный. Особое значение эти данные приобретают ввиду того, что вопросы об ограничении вмешательства и о контроле зарплат и цен были помещены слишком близко друг к другу в анкете.

Янина Френтзель-Загурская и Кшиштоф Загурский, также указывая на противоречия экономических взглядов, писали в 1992 году: “Эта непоследовательность позиций может объясняться отсутствием опыта свободно-рыночной системы и подсознательным упованием на всемогущество государства как нечто естественное” [10, с. 67]. Данные общенационального исследования показывают, что на протяжении следующих нескольких лет ситуация особо не изменилась [8]. Значительная часть польского общества (приблизительно каждый четвертый взрослый гражданин) считает системе, в которой государство осуществляет попечительство над экономическими процессами, естественным положением вещей. В этой ситуации как вмешательство в экономику воспринимается отказ государства от контроля и регулирования рынка, которые считаются его неотъемлемой обязанностью. Таким образом, “либеральные” переменные, прошедшие сквозь призму сознания исследуемых, оказываются, по сути, проявлением *stricte* левых взглядов, подтверждением чего является позитивная корреляция этих переменных со всеми тремя измерениями экономического этатизма.

Таблица 10

**Отношение к ограничению государственного вмешательства
в экономику и контролю уровня зарплат, %**

Роль правительства предполагает ограничение вмешательства в экономику	Роль правительства состоит в контроле уровня зарплат					Всего
	Решительно против	Скорее против	Ни за, ни против	Скорее поддерживаю	Решительно поддерживаю	
Решительно против	26,8	14,6	7,4	12,2	39,0	100
Скорее против	10,4	14,8	15,5	34,1	25,2	100
Ни за, ни против	3,7	11,0	34,2	34,9	16,2	100
Скорее поддерживаю	6,6	14,3	19,0	39,2	20,9	100
Решительно поддерживаю	14,0	6,5	10,3	15,0	54,2	100
Всего	8,2	12,3	21,8	32,5	25,2	100

Примечание: Проценты суммируются построчно.

Таблица 11

**Отношение к ограничению государственного вмешательства
в экономику и контролю уровня цен, %**

Роль правительства предполагает ограничение вмешательства в экономику	Роль правительства состоит в контроле уровня цен					Всего
	Решительно против	Скорее против	Ни за, ни против	Скорее поддерживаю	Решительно поддерживаю	
Решительно против	18,2	6,8	4,5	20,5	50,0	100
Скорее против	3,6	10,1	11,6	37,7	37,0	100
Ни за, ни против	5,3	6,7	19,7	42,0	26,1	100
Скорее поддерживаю	3,6	11,4	12,2	42,1	30,7	100
Решительно поддерживаю	9,3	5,9	6,0	16,9	61,9	100
Всего	5,7	8,7	13,3	36,8	35,5	100

Примечание: Проценты суммируются построчно.

В статье Я.Френтзель-Загурской и К.Загурского две рассматриваемые переменные (сокращение расходов и ограничение вмешательства в экономику) образуют измерение, названное авторами, согласно интуиции обычного сознания, “экономическим либерализмом” [10, с. 79]. Однако в модели регрессии вариантность этого измерения удалось объяснить едва ли на 1% влиянием дохода, образования, возраста, пола, места жительства и социально-профессиональной категории. Причиной этого является поразительная двусмысленность требований ограничения вмешательства государства в экономику и сокращение бюджетных ассигнований в сознании польского общества.

Взгляды поляков на международном фоне

Международная программа социальных исследований была реализована в 1996–1997 годах в 29 странах мира. Использование унифицированной анкеты опроса делало возможным сопоставление взглядов на участие государства в экономике граждан всех участвующих в проекте стран. В уже цитированном тексте Я. Френтзель-Загурской и К. Загурского авторы обращались к предыдущим этапам этих исследований. На основании полученных данных они утверждают, что уровень ожиданий насчет ассигнований на социальные программы со стороны государства (переменные, которые в моем анализе образуют измерение “патернализма”), а также одобрения госвмешательства не был в начале 1990-х годов в Польше особенно высоким в сравнении с западноевропейскими странами.

Данные 1996–1997 годов говорят о том, что настроения поляков сместились в направлении госвмешательства. В 1990 году уровень поддержки редистрибуции доходов составлял в Польше 60%, будучи ниже, чем в западногерманском (67%), британском (75%) и итальянском (84%) обществе. Шесть лет спустя ситуация выглядела уже совсем иначе: в Польше редистрибуцию доходов поддерживало 78% исследуемых, в западных землях Германии — 49%, в Великобритании — 54%, а в Италии — 65%. В Польше на смену периоду популярности идеи дифференциации зарплат на исходе эпохи социализма и в самом начале 1990-х годов пришло время актуализации эгалитарных лозунгов. От граждан большинства западноевропейских стран поляки в 1997 году отличались также поддержкой правительственного контроля зарплат. Его требовали 71% наших соотечественников, в то время как в западных землях Германии уровень поддержки составлял 27%, в Швеции — 28%, в Великобритании — 38%.

Наиболее резкие различия между Польшей и посткоммунистическими странами, с одной стороны, и западными обществами — с другой, проявились в предпочтениях в отношении формы собственности банков. В то время как в большинстве западных стран за частные банки высказывается 70–80% исследуемых, в Польше (как и в Венгрии) показатель этот составил в 1996 году всего 30% (в Чехии — 24%, а в России — только 13%). Несмотря на упомянутые выше нюансы, в целом можно согласиться с тезисом Янины Френтзель-Загурской и Кшиштофа Загурского о принципиальном сходстве польского и западноевропейских обществ в том, что касается поддержки патерналистских функций государства. Практически во всей Европе господствует всеобщее убеждение, что именно правительство должно обеспечивать старость, гарантировать медицинскую помощь, поддерживать студентов, способствовать развитию промышленности, гарантировать каждому работу, а тем, кого коснется безработица, обеспечить приличные условия существования [см.: 23, с. 139–154]. Различия между отдельными государствами касаются скорее *уровня* поддержки патернализма. Остается в силе и тезис Джона К. Гелбрайта о том, что “государство-опекун превратилось в устойчивый элемент современного капитализма и современной экономики” [11, с. 232]. Результаты исследований показывают, что как западноевропейские общества, так и посткоммунистические, одобряют активную роль государства в экономике и в значительной мере возлагают на государство ответственность за собственный уровень жизни. В целом взгляды поля-

ков — как и других народов, расставшихся с коммунизмом, — если даже отличаются от доминирующих в западноевропейских обществах, то отнюдь не больше, чем настроения жителей Западной Европы от явно наиболее либеральных ориентаций американцев.

Несмотря на то, что на рубеже 1980-х и 1990-х годов Европа отбросила главный принцип социализма, то есть государственную собственность на средства производства, это ни в коей мере не было равнозначно утверждению либерального государства с минимальными полномочиями. Жители старого континента привыкли к опекунам функциям государства, а потребность в безопасности заставляет уповать на то, что правительство надлежащим образом справится с доверенными ему задачами.

Заключение

Эгалитарные взгляды и поддержка “ручного управления” экономикой в польском обществе остаются устойчивой особенностью экономического сознания. При этом можно заметить, что чем хуже оценивается состояние польской экономики, тем сильнее общественное давление на правительство, с тем чтобы оно “что-то с этим сделало”. Тот факт, что вину за плохую экономическую ситуацию несет предыдущее правительство, ничуть не убавляет популярности этого лозунга. Как отмечает Мира Мароди, “апелляция к государству как к последней инстанции, ответственной за установление и соблюдение основ справедливого общественного порядка, сводится, по сути, к тому, что (...) представляющие это государство политические элиты расцениваются как лишённые основных компетенций и моральных принципов” [19, с. 310]. Судя по результату, какой в парламентских выборах 2001 года получила “Самооборона” — группировка, наиболее выразительно склонная к антилиберальной риторике, — можно даже говорить о явной радикализации этатистских позиций.

Противоречивость взглядов поляков по экономическим вопросам, обнаружившуюся в первые годы трансформации, также приходится признать устойчивым явлением. Вопреки прогнозам, распространённость популизма не уменьшается по мере приобретения опыта соприкосновения с механизмами свободного рынка. Особенно заметно это проявляется в неспособности оценивать бюджет государства в категориях поступлений и издержек.

Сильное акцентирование социальных обязательств государства отнюдь не выделяет поляков на фоне западноевропейских обществ. На рубеже столетий доктрина государства всеобщего благоденствия все еще пользуется поддержкой большинства жителей старого континента.

Литература

1. *Adamski W.* W obliczu prywatyzacji: poparcie i sprzeciw // *Adamski W. i in.* Polacy '90. Konflikty i zmiana. — Warszawa, 1991. — S. 81–95.
2. *Borkowski A.* Zmiany przekonań na temat pożądanego ładu gospodarczego // *W. Morawski (red.)*. Zmierzch socjalizmu państwowego. — Warszawa, 1994. — S. 256–263.
3. *CBOS.* Komunikat z badań 91: Opinie o interwencjonizmie państwowym (opr. Beata Roguska). — 1998.
4. *CBOS.* Komunikat z setnego badania aktualnych problemów kraju, nr 149: Państwo a rynek — poglądy Polaków po 13 latach (opr. Krzysztof Pankowski). — 1998.

5. *CBOS*. Komunikat z badań 162: Opinie o przedsiębiorstwach prywatnych i państwowych (opr. Włodzimierz Derczyński). — 1999.
6. *CBOS*. Komunikat z badań 18: Egalitarizm w społeczeństwie polskim (opr. Macieja Falkowska). — 2000.
7. *CBOS*. Komunikat z badań 71: Polacy o gospodarce wolnorynkowej, socjalizmie i zmianach gospodarczych ostatniego dziesięciolecia (opr. Krzysztof Pankowski). — 2000.
8. *Cichomski B., Morawski P.* Polski Generalny Sondaż Społeczny. Skumulowany komputerowy zbiór danych 1992–1997. — Warszawa, 1999.
9. *Domański H.* Społeczeństwa klasy średniej. — Warszawa, 1994.
10. *Frentzel-Zagórska J., Zagórski K.* Prywatyzacja i interwencjonizm w polskiej opinii społecznej // *Studia Socjologiczne*. — 1992. — 3–4. — S. 65–87.
11. *Galbraith J.K.* Ekonomia w perspektywie. Krytyka historyczna. — Warszawa, 1991.
12. *International Social Survey Programme* // Książka kodowa. ZA Study № 2900. Zentralarchiv für Empirische Sozialforschung, Uniwersytet w Kolonii. — 1996.
13. *Jakóbiak W.* Logika zmian instytucjonalnych w gospodarce: kilka uwag krytycznych // *W. Jakóbiak (red.)*. Transformacja gospodarki. Spojrzenie retrospektywne. — Warszawa, 1997. — S. 105–125.
14. *Jerschina J.* Postawy etatyzmu ekonomicznego, autorytaryzmu, nacjonalizmu i orientacje na przedsiębiorczość w Polsce na tle krajów Europy Środkowej i Wschodniej. Elity i społeczeństwo // *P. Sztompka (red.)*. Imponderabilia wielkiej zmiany. Mentalność, wartości i więź społeczna czasów transformacji. — Warszawa; Kraków, 1999. — S. 95–199.
15. *Kolarska-Bobicka L.* Ustrój ekonomiczny a interesy grupowe // *Adamski W. i in.* Polacy '90. Konflikty i zmiana. — Warszawa, 1991. — S. 61–80.
16. Mały rocznik statystyczny. — Warszawa, 1991.
17. Mały rocznik statystyczny. — Warszawa, 1999.
18. *Marody M.* Jak daleko stąd, jak blisko... do kapitalizmu // *M. Marody (red.)*. Oswajanie rzeczywistości. Między realnym socjalizmem a realną demokracją. — Warszawa, 1996. — S. 9–40.
19. *Marody M.* Społeczne negocjowanie rzeczywistości // *M. Marody (red.)*. Między rynkiem a etatem. — Warszawa, 2000. — S. 289–314.
20. *Morawski W.* Modele reformy a zmiana systemowa w Polsce // *W. Morawski (red.)*. Zmierzch socjalizmu państwowego. — Warszawa, 1994. — S. 286–300.
21. *Rakowski M.* Zanim stanę przed Trybunałem. — S.1., s.a.
22. *Sufin Z.* Co utrwała, a co zmienia orientacje egalitarne // *H. Domański, A. Rycharc (red.)*. Elementy nowego ładu. — Warszawa, 1997. — S. 270–281.
23. *Therborn G.* Drogi do nowoczesnej Europy. — Warszawa; Kraków, 1998.

Перевод с польского Юлии Краснопольской, Светланы Иващенко